

УДК 371.15(470.22) + 39(470.22)

О. П. Илюха**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА КАРЕЛИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)***

Раскрывается специфика повседневной жизни сельского учительства Карелии в конце XIX – начале XX в. Характеризуются каждодневные занятия, круг общения, характер быта, включая особенности конфликтных ситуаций, воссоздаются детали мужского и женского костюма сельских учителей, что расширяет наши представления о социокультурном облике представителей этой крупнейшей профессиональной группы российской интеллигенции.

Ключевые слова: Карелия, история повседневности, сельская интеллигенция, жизнь учителя.

Первые попытки анализа материального и правового положения учителей-современников были предприняты публицистами и деятелями народного образования уже в конце XIX – начале XX в. [см.: Вахтеров; Мягкова; Рождественский; Чехов]. Привлекая разнообразную, но подчас слабо систематизированную информацию, авторы концентрировали внимание на актуальных для своего времени проблемах образования, включая некоторые стороны повседневной жизни учительства.

На фоне обилия литературы по истории образования и педагогики, изданной в советское время (по подсчетам Э. Д. Днепровы за период 1918–1977 гг. в СССР было опубликовано 6 774 работы, защищены 483 диссертации на эту тему), количество исследований, посвященных непосредственно учителям, кажется ничтожно малым: за 60 лет появилось всего лишь 36 публикаций [см.: Днепров]. Определенный вклад в изучение истории отечественного учительства внесли такие специалисты по истории интеллигенции, как В. Р. Лейкина-Свирская, А. В. Ушаков, Ф. Г. Паначин, Н. М. Пирумова, Л. К. Ерман, О. Н. Знаменский и др. В центре их внимания – социальная и политическая активность учительства, участие в революционном движении. Советская историография по вполне понятным причинам отказывалась от исследования повседневной жизни учительства, исключив ее из круга актуальных задач.

Не случайно первое непредвзятое исследование российской сельской школы во второй половине XIX – начале XX в., включающее многостороннюю характеристику учительства, было создано за рубежом. В книге Бена Эклофа, многопланово анализирующего состояние народной школы, отдельная глава посвящена жизни учителей в деревне, характеристике их социального статуса и взаимоотношений с сельским сообществом [см.: Eklof].

В 1990-х гг. намечились изменения и в отечественной историографии. Уже в начале десятилетия была издана монография Н. Н. Смирнова, раскрывающая

---

* Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

социально-политические позиции учительства, где, в частности, была дана общая краткая характеристика материального положения различных групп учителей накануне революции и в 1917 г. [см.: Смирнов]. Особенности правового, общественного и материального положения российского учительства в более широком временном диапазоне (конец XIX – начало XX в.) охарактеризованы И. В. Сучковым [см.: Сучков].

Особый интерес представляют исследования, позволяющие уточнить конкретные реалии «среднестатистической» общероссийской панорамы. Количество таких «региональных картин» (точнее, зарисовок) пока еще невелико. Большинство из них слабо вписаны в общеисторический контекст и носят преимущественно краеведческий, «эрудитский» характер. И все же ряд работ, выполненных на материалах конкретных регионов – Севера [см.: Афанасьева; Гуркина], Ярославской губернии [см.: Иерусалимская], Забайкальской области [см.: Басалаев], – привлекает внимание своей обстоятельностью. Их авторы касаются и таких вопросов, как условия жизни, быт, интересы сельского учительства. Тем не менее повседневная жизнь этой крупной социально-профессиональной группы еще не охарактеризована в полной мере.

Задача данной статьи – раскрыть на материалах Карелии типичные черты обыденной жизни сельских учителей. Такие детали повседневности, как круг общения, каждодневные занятия, характер конфликтов, особенности костюма, позволяют рельефно и многопланово высветить место сельского учительства в обществе, а также оценить условия, в которых формировались его идеалы и предпочтения.

Учительство Российской империи не было однородным: специфика положения различных его слоев определялась социальным происхождением, уровнем образования, материальными условиями (заработная плата преподавателей гимназии значительно превышала уровень доходов сельского учителя) и особенностями той среды, в которой оказывался учитель в зависимости от местонахождения школы. Основу быстро растущей в конце XIX – начале XX в. сети сельских начальных учебных заведений составляли министерские образцовые училища, земские школы (в «неземских» губерниях их аналогом были общественные училища), церковно-приходские школы (ЦПШ) и школы грамоты (особый тип школы духовного ведомства, дававший минимальные знания). Образцовые министерские училища находились под усиленной опекой Министерства народного просвещения (МНП) и имели хорошую материальную базу, однако они составляли небольшую часть общего числа начальных школ.

Учителями в сельских школах могли работать лица с разным уровнем образования. В конце XIX – начале XX в. идеальным сельским учителем считался выпускник учительской семинарии, но на деле было немало учителей, а особенно учительниц, закончивших полный или неполный курс гимназий; в школах церковного ведомства повсеместно трудились выпускницы епархиальных училищ и воспитанники духовных семинарий, заметной также была прослойка получивших учительскую специальность в результате окончания учительских курсов или допущенных к преподаванию по итогам специального экзамена на звание учителя.

По данным за 1900 г. из 360 учителей и учительниц земских и министерских училищ Олонецкой губернии 48 % получили специальную подготовку (в учительской семинарии или на двухгодичных курсах); 26 % окончили средние учебные заведения; 25 % получили учительское звание по экзамену и около 1 % не имели прав на преподавание. В то же время в церковных школах лишь 3 % учителей получили специальную учительскую подготовку, но доля преподавателей со средним образованием составляла 70 %, остальные имели незаконченное среднее или начальное образование [см. об этом: Илюха, 150–151].

Сходная картина наблюдалась и в масштабе всей страны. По общероссийским данным за 1911 г. 48 % народных учителей окончили учительский институт или семинарию; 31 % имели среднее образование, 21 % – ниже среднего. Среди учительниц 20 % имели за плечами учительскую семинарию или учительские курсы, 63 % – аттестат гимназистки или «епархиалки», 17 % учительниц, имевших начальное образование, были допущены к работе после сдачи специального экзамена [см.: Сучков, 64].

Молодые учителя, только что получившие специальность, не стремились возвращаться в родные села, где, по выражению современника, их помнили как «Танек» и «Гришек», а искали приложения своим силам в соседних волостях, чтобы, живя отдельно от родительской семьи, тем не менее быть от нее неподалеку [см.: Гуркина, 80]. Однако это не всегда было возможно. Путь к месту работы для многих оказывался отнюдь не близким и не простым. Например, молодая учительница, отправляясь в Архангельскую (Беломорскую) Карелию из губернского центра, преодолевала путь в 700 верст за 12 дней. Приходилось менять несколько видов транспорта: плыть на пароходе, в лодке и на плоту, ехать верхом на лошади, на подводах, долгие версты идти пешком [см.: Опокина, 558–561].

Багаж учителя, направлявшегося на работу в деревню, был невелик. Обычно он ограничивался сундуком и парой узлов, в которые паковалась одежда, книги и кое-какая домашняя утварь. Предусмотрительные молодые люди, отправляясь на работу в карельскую деревню, брали с собой самовар. Они поступали разумно, так как приобрести в глуши подобную вещь было непросто. В учительском быту значение чаепития, а стало быть, и самовара, трудно переоценить: чайная церемония была любимым видом трапезы с задушевной беседой.

Жильем учителя становилась съемная комната или угол в крестьянском доме. Иногда в качестве жилья приходилось использовать помещение учебного класса. По мере улучшения материального положения начальной школы появлялось все большее количество учебных заведений, построенных по специальным проектам. При них были предусмотрены учительские квартиры, реже – дома.

Оплата труда в школах разных типов существенно различалась. Имелась дифференциация также по отдельным губерниям, а внутри губерний и по уездам. Из числа сельских учителей лучше других были обеспечены работавшие в образцовых училищах МНП, средние позиции занимали земские школы, хуже всего было материальное положение работавших в ЦППШ. В середине 1890-х гг. оклады учителей министерских училищ превышали 330 рублей в год, а в отдельных уездах составляли более 400 рублей. В то же время основная часть

учителей земских училищ была вынуждена довольствоваться годовым окладом в 200 рублей [Отчет, 1895, 20].

Заработная плата учителей ЦПШ была ощутимо меньше. До 1896/97 уч. г. она составляла 120, а затем была увеличена до 180 рублей в год. Учителя Закона Божьего (в основном приходские священники) получали вознаграждение от 30 до 60 рублей в год. Самую низкооплачиваемую категорию составляли учителя школ грамоты (низший тип церковной школы). В начале 1890-х гг. еще нередко были случаи, когда крестьяне содержали учителя в складчину или расплачивались с ним поочередно «еженедельным кормлением» [Отчет, 1896, 86]. Многим крестьянам это было в тягость, и они отказывались отпускать детей в такие школы. В 1908 г. законодательно была установлена фиксированная норма основного оклада учителей и учительниц – 360 рублей в год. В 1913 г. были также официально санкционированы периодические пятилетние прибавки, вводившиеся с конца XIX в. отдельными земствами с целью создания стабильных учительских кадров. Позже, уже в условиях военного времени, вводились так называемые военные прибавки в размере 120 рублей в год [см.: Сучков, 65].

Предусматривались специальные выплаты учителям за квартиру, стол, отопление и освещение, дополнительно оплачивались уроки пения, ремесла, сельскохозяйственные занятия с школьниками. В 1910 г. законодательно были установлены пенсии по возрасту (требовалось отработать в школе 25 лет) и инвалидности учителям и учительницам народных школ. Однако на протяжении всего периода сохранялась нерегулярность оплаты труда, от чего особенно страдали учителя земских и церковно-приходских школ [ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 10849, л. 24].

По уровню зарплаты учителя резко отставали от многих представителей провинциальной интеллигенции. Так, в 1908 г. в Повенецком уезде Олонецкой губернии, где стоимость жизни всегда была высокой, учитель в зависимости от стажа получал 300–400 рублей в год, тогда как жалованье земского врача составляло 2000–2200 рублей в год, провизора – 1200 рублей, его помощника – 800, дантиста – 800 рублей. Так же низко, как и труд учителей, оплачивался на селе труд фельдшеров, повивальных бабок, ветеринарных врачей. Лишь с точки зрения крестьянина-бедняка учитель, освобожденный от всех личных повинностей, получавший «рубль в день», а по старости – пенсию, был обеспечен неплохо [см.: Бахметьев, 41].

Сельские учителя сетовали на то, что их возможности создать семью ограничены, поскольку деревенская девушка даже из крестьянской семьи среднего достатка считает школьного учителя с его скромными доходами «неудачной партией». Эта социально-демографическая проблема имела общероссийский масштаб: в конце XIX в. почти половина учителей и более 4/5 учительниц не имели собственных семей. В ряде губерний, включая Олонецкую, были установлены свои правила, согласно которым учительница, выйдя замуж, должна была оставить работу в школе. В результате для учительницы на одной чаше весов оказывались интересы дела, избранной профессии, а на другой – устройство личной жизни. Деревенским учительницам было непросто найти себе подходя-

щего спутника: образованные девушки предъявляли более высокие требования к женихам. Не редкостью было создание учительских семей – идеальная ситуация для женщины, увлеченной работой, поскольку при поддержке мужа она могла получить статус помощницы учителя и не бросать работу в школе.

Государство, спекулируя на молодости и неопытности начинающих педагогов, внушало им: «...учитель должен выдерживать тягости службы, помня, что он молод, что переносить лишения необходимо и что лишения нравственно полезны» [см.: Тарновский, 8]. Однако не все чиновники разделяли этот взгляд. Директор народных училищ Олонецкой губернии Д. П. Мартынов резонно замечал: «Грошовые жалования приводят и к грошовым учителям, а грошовые учителя дают и грошовые успехи» [Отчет, 1895, 19].

Материальное положение влияло на характер поведения учителя, его социальный облик, репутацию в деревне. Несвоевременная выплата зарплаты вынуждала жить в долг. Кредиторами учителей становились не только местные торговцы, снабжавшие продуктами, но и крестьяне, кормившие учителей с отсрочкой оплаты. Такая ситуация ставила учителя в униженное положение. Отмечались факты, когда кредиторы приходили требовать возвращения долга прямо в класс.

Земские бюджетные обследования, проводившиеся в разные годы, показали, что у семейных учителей, имевших детей, почти все жалование уходило на питание. И это при том условии, что учитель обязательно преподавал дополнительные и необязательные предметы, заведовал школьным хозяйством и получал надбавки за стаж работы. В противном случае семья могла голодать.

Учителя с трудом могли дать образование, «вывести в люди» собственных детей. Большинство из них было вынуждено обучать дочерей во второклассных школах или в епархиальных училищах, а сыновей – в духовных училищах. Выбор определялся вовсе не тем, что учителя были склонны избирать для своих детей духовную карьеру, а лишь относительной дешевизной содержания в этих учебных заведениях. Они использовали различные способы пополнения семейного бюджета. Приблизительно каждый десятый из них трудился во время каникул, давая частные уроки или занимаясь клеймением леса, работами на строительстве дорог. Некоторые подрабатывали переплетом книг, разными ремеслами, фотографией.

Более надежным и потому достаточно распространенным способом получения дохода были занятия сельским хозяйством. На школьных и учительских огородах наряду с картофелем, брюквой, капустой, луком, редькой, горохом, морковью и свеклой культивировались чеснок, бобы, укроп, сельдерей, салат, некоторые сеяли злаки, выращивали в парниках огурцы. С конца XIX в. отдельные учителя, как и сельские священники, обзаводятся также «правильно организованными» пасеками. Однако незамужние учительницы редко вели подобное хозяйство, им не всегда было под силу даже содержание небольших огородов.

Преобладающим способом дополнительного заработка учителя-мужчины было совмещение учительской службы с другой постоянной работой. Распространенным видом службы учителей по совместительству стала в начале XX в.

работа в кооперативах. В карточках бюджетных обследований учителя делали записи: «работаю в кооперативе», «служу бухгалтером в кредитном товариществе», «заведую потребительской лавкой», «занимаюсь счетоводством в местном кооперативном складе» и т. д. Земцы не без основания говорили о том, что «кооперация, организуя экономические силы в деревне, пришла на помощь учителю возможностью платной работы» [Школьная статистика, 34–36].

Учительницам было сложнее найти возможность дополнительного заработка. Некоторые из них шили, другие в дни летних каникул за символическую плату работали в приютах-яслях, которые стали создаваться уездными земствами на рубеже XIX–XX вв. Другим способом пополнения бюджета учительниц становилась организация народных чтений – лекториев. Проведение народных чтений увеличило спрос на книги. На рубеже веков многие земства начинают активную работу по устройству народных библиотек-читален. В отсутствие подготовленных кадров они вновь опираются на сельских учителей, в большей мере учительниц, привлекая их к работе в библиотеках по совместительству.

В 1890-х гг. начинается широкое движение по созданию обществ взаимопомощи учителей. Их денежные фонды складывались из пособий губернского и уездных земств, пожертвований и шли на поддержку многодетных учителей, на оказание помощи в случае болезни и других жизненных трудностей. Общества учреждали стипендии для поддержки студентов, являвшихся детьми учителей.

В годы Первой мировой войны положение учительства резко ухудшилось. Сами учителя характеризовали свою жизнь в очень мрачных тонах: «волком воем сейчас в 1916 г.», «живу с семьей впроголодь; одежду и обувь донашиваем старую, затасканную», «дефицит покрываем молитвою и постом». Показательно, что в этих условиях учителя выступили организаторами помощи семьям фронтовиков. С самого начала военных действий они стали добровольно отчислять от 1 до 3 % своего ежемесячного жалованья в пользу семей воинов, призванных на фронт [см.: НА РК, ф. 335, оп. 1, д. 10/150, л. 21–24].

В течение учебного года круг общения учителей в деревне был довольно ограничен. В Карелии, несмотря на официальные запреты, они общались с политическими ссыльными, среди которых было много высокообразованных людей. В самом начале XX в. местом учительских встреч, настоящим клубом молодых педагогов Олонецкого уезда становится квартира политического ссыльного С. Я. Элленгорна в д. Киновичи. С. Я. Элленгорн учился в университетах Москвы и Берлина, позже завершил образование в Юрьевском университете, получив диплом врача с отличием. Один из неизменных участников встреч в доме Элленгорнов, молодой учитель П. К. Успенский впоследствии уже на новом месте работы (в с. Туломозере) продолжил традицию. Его собственная квартира стала клубом для учителей близлежащих школ: здесь звучали песни (пели хором или соло), читали вслух русских классиков, играли в шахматы и лото, показывали фокусы. Женщины вышивали, шили, вязали, из бумаги и картона изготовляли наглядные пособия для уроков, детские игрушки, переплетали книги, по вечерам ставили спектакли [см.: Инно, 46–49]. Подобные встречи были возможны в основном в дни каникул. В течение учебного года

многие из учителей, работавших в глуши, были обречены на почти полное одиночество. Письма, газеты и журналы становились спасительными нитями, связывающими с друзьями, коллегами, миром.

Уже в годы учебы формировались разные модели поведения будущих учителей и учительниц. По наблюдениям инспекторов и преподавателей, гимназистки из богатых семей (даже крестьянских) мнили себя «барышнями», важничали своей ученостью, а вернувшись в деревню, «водили знакомство» только с деревенской «аристократией» – местным помещиком, представителями администрации, иногда земскими врачами, что не помогало их сближению ни с народом, ни с избранным кругом, где они не пользовались популярностью. Другие, таких было немало среди выпускников учительских семинарий, примыкали к «среднему классу»: деревенский священник, лавочник, писарь, иногда старшина и урядник составляли их общество. Иначе вели себя выходцы из небогатых крестьянских семей. Они мало отличались по своим односельчан как по воззрениям, так и по образу жизни. В дни каникул они наравне с другими днем работали в поле, а вечерами или в праздник читали вслух для родных и соседей интересующие всех книги или газеты.

Для начинающего учителя был разработан подробный инструктаж по поводу того, как вести себя, устанавливая контакты с должностными лицами. Посещать незнакомых и почетных лиц следовало после полудня, с 12 до 14 часов. В случае радушного приема предписывалось не отказываться от угощения, но сразу же заявить своим новым знакомым, что гость «не пьет водки и не играет в карты» [Тарновский, 3–4].

Учителям постоянно приходилось общаться с местными священниками, заведовавшими церковно-приходскими школами (ЦПШ) или преподававшими уроки Закона Божьего в министерских и земских училищах. Их сближал не только статус людей образованных, но и общие заботы, нужда. Материальное положение сельского духовенства было несколько лучше, чем у учителей, но и оно являлось весьма скромным.

Многие из священников были потомственно образованными, что, несомненно, отражалось на уровне общей культуры. Их отличала преданность делу, тесный контакт с населением, понимание местных проблем. Дочери церковно-и священнослужителей по настоянию отцов возвращались после окончания епархиальных училищ домой, поскольку по устоявшейся традиции одна из дочерей могла наследовать место своего престарелого отца для будущего мужа [см.: Леонтьева, 47–57]. Участь такой учительницы – «невесты с местом» – была незавидной. В ожидании подходящей партии поповна оставалась под надоедливой опекой отца. Священники, заведовавшие ЦПШ, нередко брали на себя ряд школьных обязанностей дочерей. Подобный «семейный подряд» обычно вредил делу: загруженные основными обязанностями священники относились к школьным делам без особенного рвения. Крестьяне выражали недовольство превращением школы «в пустую затею» и просили о замене таких учителей [см.: Гуркина, 84].

Стремление «удачно» выдать дочь замуж подогревалось желанием сохранить нажитое семейное имущество. Отступление дочерей от одобренного традицией

сценария немилосердно каралось, в этом вопросе священнический долг был выше отцовской любви. Так, в 1909 г. священник Подужемского прихода в Беломорской Карелии отправил свою дочь «для раскаяния» в монастырь, поскольку она вступила в связь с учителем и родила «незаконного» сына [ГААО, ф. 28, оп. 2, д. 37].

Учительский век поповны «с местом» был короток: выйдя замуж, она всецело посвящала себя мужу и детям и оставляла школу. Однако дочери многосемейных священников, не обеспеченные «местом», задерживались в девичестве, а стало быть, и на учительском месте. Этим, в частности, объясняется рост доли «епархиалок» среди школьных учительниц. В начале второго десятилетия XX в. в отдельных местностях они составляли половину общего числа учительниц [НА РК, ф. 17, оп. 3, д. 4/71, л. 38–43].

Приходские священники по долгу службы должны были опекать учителей и наблюдать за их нравственностью. Эту задачу они выполняли подчас с излишним рвением. Священников заботила не только «близость учителей церкви», регулярность прохождения ими обрядов, они стремились также влиять и на круг общения молодых учителей, нередко вмешиваясь в их личную жизнь. Оказавшись под такой опекой, наиболее кроткие учительницы считали необходимым согласовывать со священником все житейские вопросы. Дошедшие до нас отголоски реальных житейских ситуаций кажутся банальными и обнаруживают на первый взгляд только межличностный конфликт. Однако корень конфликтности следует искать, по всей видимости, в конкуренции учителя и приходского священника: появление учителя нарушало «духовную монополию» священнослужителя в деревне.

Священники требовали от учителей особого отношения к их детям-школьникам, подчас бесцеремонно вторгались в учебный процесс. Учителя ждали от батюшек более уважительного отношения, их раздражала мелочная опека и тем более грубость. Учителя-мужчины, пытаясь защитить себя, писали жалобы в вышестоящие инстанции, тогда как учительницы предпочитали не предпринимать подобных мер. О конфликтах учительниц со своими коллегами можно узнать из жалоб и заявлений священников. Спектр претензий священников к учительницам широк: от недовольства увлеченностью шитьем (в ущерб интересам дела, как казалось священнику) до обвинения в «опасной» дружбе с политическими ссыльными или организации танцев для взрослых жителей деревни после детской рождественской елки в школе. Жалуясь начальству на учительницу, отказавшуюся от исповеди, священник приводит ее аргумент: «Вы грехи мои по всей деревне расскажете» [НА РК, ф. 411, оп. 1, д. 11/161, л. 18]. Отказ от исповеди был вызван осознанием опасности, которую могут принести злые сплетни в деревне. Этот случай показывает, что учительницы, в целом не склонные к конфронтации, могли «держать удар», использовать критику и даже выступать обвинителями с целью сохранения собственного статуса и репутации в местном сообществе.

Чтобы «вписаться» в жизнь деревни», добиться признания местного сообщества, школьным учителям приходилось учитывать особенности менталитета крестьян. При этом по отношению к учителю применялись более строгие мерки,

чем к кому бы то ни было. В старообрядческих селениях учителю следовало при любых обстоятельствах не пить кофе, не курить табак, не есть «из общей чашки» и т. п., поскольку нарушение этих запретов могло повлечь за собой «немилость населения». С оглядкой на деревенский мир учителю приходилось также выбирать кандидатуры учащихся для оказания им материальной помощи, применять дисциплинарные меры в школе, обустривать жизнь общежития и т. п. «Не быть своим человеком в деревне для народного учителя равносильно тому, что не быть учителем», – подчеркивал один из земских служащих [Краткая записка, 47].

Недопонимание, противоречия и даже конфликты учителя с деревенским сообществом могли происходить на разной почве. Ничто не ускользало от взгляда крестьян: ни отношение к детям, ни внешний вид учителя, ни его поведение в быту. В Карелии, где крестьяне возражали против физических наказаний детей, а пьянство учителя считалось непростительным пороком, появлялись требования заменить учителей учительницами, со свойственными им «кроткими дисциплинарными мерами». И наоборот, крестьянское сообщество повсеместно не принимало «эмансипированных учительниц», поведение и внешний вид которых не соответствовал традиционным представлениям. Как отмечалось в одном из писем в редакцию педагогического журнала, «учительницы сами отталкивают от себя простой народ тем, что стригут волосы, курят папиросы и носят очки» [Письмо учительницы, 530].

В Карелии контакты русских учителей с крестьянами осложнялись языковым барьером. Учителя были вынуждены прибегать к помощи случайных людей или учащихся старших классов, владевших основами русского языка. Адаптироваться к таким условиям мог далеко не каждый. И все-таки многие из сельских учителей и учительниц стойко переносили тяготы жизни, искали и находили интересные занятия, средства для самовыражения и творчества, сочетая их с необходимыми для выживания обычными крестьянскими занятиями.

В годы учебы будущие учителя и учительницы из крестьян усваивали элементы городской бытовой культуры, в том числе и манеру одеваться. По наблюдениям одной из классных дам Петрозаводской гимназии, деревенские девушки, вернувшись в дни каникул в родительский дом, становились объектом всеобщего интереса. В дни сельских праздников они привлекали внимание односельчан и своими городскими нарядами, и осведомленностью в самых разных вопросах [см.: Успенский, 52].

Будущим учителям внушалось, что их внешний вид, одежда и прическа должны быть отражением нравственного идеала, скромности и воздержанности, поскольку призвание народного учителя – служить «живым примером» для учеников и их родителей. Предписания, касавшиеся одежды сельского учителя, были опубликованы в специальном руководстве в 1896 г.: «Для учителей не установлена обязательная форма; поэтому учитель может приходить в класс в высоких сапогах и во фланелевой рубашке-косоворотке, темного цвета. Такое платье вполне подходит к нашему народному, домашнему. Для посещения знакомых учитель может обзавестись платьем в виде короткого пальто. <...> При таком платье нет надобности в белой накрахмаленной рубашке. Да кто в селе

накрахмалит и выгладит ее? Достаточно надеть под воротничок галстук военного покроя. Учителю нет надобности и в покупке шубы. Нагольный полушубок, самого обычного цвета, – очень удобное платье, так как хорошо защищает грудь и живот от холода. Единственное неудобство его – в отсутствии воротника для защиты щек и ушей от холода. Но учителю народного училища не приходится ездить и далеко ходить; следовательно, при полушубке вполне достаточно одного башлыка» [Тарновский, 9].

Учителя-мужчины на рубеже веков носили пиджаки, рубашки-косоворотки, сапоги. Костюмы и белые рубашки мог позволить себе в будни лишь учитель образцового министерского училища. В холодную погоду надевали суконный однобортный кафтан, валяную войлочную шляпу. В целом одежда сельского учителя мало отличалась от костюма других должностных лиц, будь то волостной писарь, лесной объездчик или фельдшер. Мужчины из числа сельской интеллигенции носили летом фетровые шляпы с полями и лентой вокруг тульи, в жаркую погоду и учителя, и учительницы нередко дополняли свой скромный костюм соломенной шляпой [см.: Трифонова, 127–128].

В конце XIX – начале XX в. учительницы надевали в школу платья-двойки, вошедшие к этому времени и в праздничный гардероб крестьянской женщины. В гости, для поездки учительницы старались одеться в соответствии с городской модой. Затянутые в талии пышные платья сменяются в начале XX в. одеждой, соответствующей стилю модерн со спрямленным силуэтом и заниженной линией талии. Популярны были светлые блузы в сочетании с темной юбкой. Учительницы, которым время от времени приходилось путешествовать, быстро подхватили наметившуюся в начале XX в. тенденцию к практицизму в одежде. Дорожный костюм состоял из темной, более узкой, чем обычно, юбки и темного жакета с легкой блузой, что давало большую свободу движения. В качестве повседневной обуви зафиксированы сапожки и коты – низкие туфли с резиновой вставкой сбоку. В дорогу поверх этой обуви при необходимости натягивали галоши.

Определенное представление о том, как одевались сельские учителя и учительницы, дают фотографии и зарисовки (на основе фотоматериалов НА РК, Карельского государственного краеведческого музея, отдела рукописей Российской национальной библиотеки). Сохранилось немало персональных и групповых фотопортретов учителей, которые часто фотографировались, бывая в городах. Некоторые учителя-мужчины в начале XX в. приобретали собственные фотокамеры. Готовясь к салонной фотосъемке, надевали лучшие платья. Отличное качество этих снимков позволяет разглядеть в деталях ладно сидящие, хорошо сшитые, нередко изящно отделанные вещи.

Среди повседневных аксессуаров, также выделявших учительницу среди деревенских женщин, – часы, предмет первой необходимости для работающих по звонку. Это часы-кулон или изящные ручные часики. На фотографиях начала XX в. изредка появляется эсклаваж – модное в те годы украшение, которое носилось на бархатной ленте на шее, или недорогие бусы. Чаще в качестве украшения использовались разного рода броши. Волосы учительниц обыкновенно длинные, были собраны в аккуратный низкий узел, заколотый шпильками

или гребнем. Молодые девушки заплетали косу, дополняя ее легкими локонами на лбу или висках. Короткая стрижка, ставшая модной в годы Первой мировой войны, завоевывает популярность среди сельских учительниц в предреволюционное время. Одежду для себя учительницы часто шили сами, освоив это умение еще в годы учебы.

Наряд школьной учительницы вызывал восхищение молодежи и враждебность женщин старшего поколения. «Шаг в сторону» от общепринятой нормы привлекал внимание и образованных современников. Несуразная шляпка («колесо с высоким султаном из перьев»), в которой сельская учительница появилась вместе со школьниками в городской церкви, стала поводом для написания заметки в губернскую газету. Автор выносил на суд публики размышления о том, как должна одеваться «умная девушка из деревни» [см.: Из жизни училищ, 2–3].

Для деревенской молодежи учительская стезя давала реальную возможность избавиться от тяжелого крестьянского труда, в значительной мере изменить свой быт и образ жизни. Их непохожесть на остальных нередко служила конфликтогенным фактором на бытовом уровне. Вместе с тем крестьяне относились с почтением и любовью к учителям и учительницам, многие годы отдававшим свои знания и силы работе с детьми. Это служило определенной компенсацией материальных невзгод, о чем говорит готовность учительниц работать за мизерную плату. Государство использовало сложившуюся ситуацию, решая за счет учительниц кадровую проблему сельской школы, все меньше привлекавшую мужчин. Исследование повседневной жизни сельского учительства дает возможность преодолеть имеющуюся односторонность в изучении этой крупной социально-профессиональной группы, позволяет оценить социокультурный облик учителя с учетом той специфики, которой была отмечена сфера их частной жизни.

Афанасьева А. И. Сельская интеллигенция Олонецкого края во второй половине XIX – начале XX века // Материалы междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 1995»: сб. науч. докл. Петрозаводск, 1997. С. 286–290.

Басалаев А. Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области 1884–1917 гг. Чита, 2002.

Бахметьев В. Нечто о земском и крестьянском хозяйстве в Повенецком уезде // Вестн. Олонецкого губернского земства. 1908. № 5. С. 40–42.

Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. М., 1896.

ГААО. Ф. 28. Оп. 2. Д. 37.

Гуркина Н. К. Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX в. СПб., 1998.

Днепров Э. Д. Советская литература по истории школы и педагогики дореволюционной России. 1918 – 1977 гг. : библиогр. указ. М., 1979.

Иерусалимская С. Ю., Иерусалимский Ю. Ю. Народное образование в угличском крае в XIX – начале XX в.: от приходских училищ к всеобщему обучению. Ярославль, 2006.

Из жизни училищ Олонецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1903. 26 апр. С. 2–3.

Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб., 2007.

Инно Х. О. Автор вепского словаря // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 42–51.

Краткая записка о развитии и состоянии грамотности в Повенецком уезде за 27-летний период времени с 1867 по 1893 г. Повенецкой уездной земской управы. Петрозаводск, 1896.

Леонтьева Т. Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество. Вып.1. Тверь, 1999. С. 47–57.

Мяжкова К. О положении народных учителей. СПб., 1905.

НА РК. Ф. 335. Оп.1. Д. 10/150.

Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1894 г. Петрозаводск, 1895.

Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой губернии за 1895/96 учебный год. Петрозаводск, 1896.

Опокина А. Из дневника учащихся Архангельской Карелии // Изв. Арханг. о-ва изучения Русского Севера. 1911. № 7. С. 558–561.

Письмо учительницы // Русский начальный учитель. 1883. № 8–9.

Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902.

Смирнов Н. Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни 1917 г. СПб., 1994.

Сучков И. В. Социальный статус и духовный облик учительства в России на рубеже XIX – XX вв. // Отеч. история. 1995. № 1. С. 62–77.

Тарновский А. Об обязанностях учителя начального народного училища: опыт краткого руководства : для воспитанников учительских семинарий и учителей начальных училищ. М., 1896.

Трифонов Л. В. Одежда русских Повенецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губернии по материалам «Этнографической экскурсии М. А. Круковского» // Кижский вестник. № 8 : сб. ст. Петрозаводск, 2003. С. 127–140.

Успенский М. И. По учебным заведениям Олонецкой губернии : (из заметок окружного инспектора) // Изв. по нар. образованию. 1917. Ч. 52, янв. С. 52–54.

ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10849.

Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912.

Школьная статистика : очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии за 1915/16 учебный год. Петрозаводск, 1917.

Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861–1914. Berkeley; Los Angeles; London, 1986.

Статья поступила в редакцию 10.12.2008 г.